

Вернувшись в свою комнату, Цюаньцзы сбросил с себя старую одежду и уже было потянулся к вещам от Чжуан Яна, но остановился. Поднёс ткань к носу — да, пахнет травами. Понюхал собственную руку — отдаёт потом. Он не стал сразу переодеваться, а набрал воды и как следует вымылся. И лишь очистившись, надел одежду Чжуан Яна.

В последние дни он так уставал, что мылся лишь урывками, по ночам, прыскавая в реку и наскоро обтираясь. Сегодня же он вымылся тщательно, чтобы надеть чистую одежду на чистое тело.

Рукава и штаны действительно оказались велики. Чжуан Ян был на два года старше и на голову выше.

Цюаньцзы развел руки в стороны, а матушка Лю подвернула длинные рукава и принялась их укорачивать. Дети быстро растут — к следующему году швы можно будет распороть. Со штанами поступили так же.

За всю свою жизнь Цюаньцзы не носил ничего путного. И пусть это старая одежда — целая, без заплат, и следов носки не видно, будто новая.

— Подойди, я тебе волосы приберу, — позвала мать.

Цюаньцзы послушно присел. Матушка Лю взяла гребень и аккуратно собрала ему волосы в обычную для мальчиков того возраста причёску, перевязав её чёрной лентой.

После такого перевоплощения Цюаньцзы и вовсе стал неузнаваем. Если прежде он смахивал на оборвыша, то теперь перед ней стоял статный, видный юноша.

Черты лица, особенно глаза и брови, удивительно напоминали его отца, того, что скрылся в неизвестность.

Матушка Лю вздохнула, не зная, радоваться этому сходству или печалиться.

— Старую одежду отдай, я почию. Совсем в тряпки превратилась, — сказала она без тени жалости к себе.

Когда-то она выбрала отца Цюаньцзы и не жалела. Хотя бы сына он ей оставил.

— Поблагодари молодого господина из семьи Чжуан. Такой доброты на свете мало, — наказала она.

Сама она того юношу не видела, но раз он и зерно прислал, и одежду дал — значит, сердце у него доброе.

— Ага, — кивнул Цюаньцзы.

Он знал: за добро платят добром.

Перед сном, при свете луны, Цюаньцзы открыл маленькую круглую лаковую шкатулку от Чжуан Яна. Пахло травами. Мазь внутри была зеленоватой. Намазал на царапины на ладонях — охладило, приятно.

Чтобы прокормиться, матушка Лю целыми днями не отходила от станка, и на сына у неё оставалось мало внимания. Ран на теле у Цюаньцзы всегда хватало, но он считал: мелкие сами заживут. Оказывается, есть и мазь для такого. Он лёг на циновку, разглядывая шкатулку в

руках.

Несмотря на боль в ладонях, Цюаньцзы продолжил строгать бамбук, готовя прутья. Нужно было огородить бобовое поле, чтобы зверьё не покармливалось молодыми ростками.

С утра, проглотив миску жидкой каши, он принялся за работу. Сначала настрогал прутьев, потом отнёс их к полю и начал втыкать в рыхлую землю, выстраивая в ряд и связывая верёвкой — получался плетень.

Один, без помощи, он делал всё не спеша, но и не мешкая.

Воткнул первый ряд, обвязал верёвкой. Отошёл, прищурился — ровно ли? Плетень должен быть не только крепким, но и смотреться ладно.

— Брат Цюаньцзы, а ты что делаешь? — раздался звонкий девичий голос.

Цюаньцзы обернулся. Рядом стояла Чжуан Лань. И не одна — с ней был застенчивый мальчуган с маленькой жёлтой собачкой.

Отвечать не хотелось, но Цюаньцзы вспомнил доброе лицо Чжуан Яна.

— Плетень для бобового поля вяжу, — буркнул он.

— Я помогу! Я тоже умею! — оживилась Чжуан Лань, подхватывая с земли бамбуковый прут и пытаясь повторить его движения.

Цюаньцзы взглянул на её горящие глаза. Помощников не хватает, да и девчонка, если отказать, начнёт приставать, как тогда с корзиной. Пусть помогает.

— На ростки не наступай. Иди сюда. Прут в землю вот так, ряд за рядом.

— Так?

— Ровненько, чтобы в линию шли.

Цюаньцзы объяснял обстоятельно.

Чжуан Лань никогда не работала в поле. У семьи Чжуан земли много, обрабатывают её арендаторы да слуги. Для неё это была забава, и она с азартом принялась за дело.

А-Пин стоял в стороне, смущённо наблюдая. По характеру он был тихоней и с незнакомцами чувствовал себя не в своей тарелке.

— А-Пин, подавай прут! — позвала Чжуан Лань, указывая на связку у его ног.

— Держи, — А-Пин поднял прут и протянул сестре.

— Вы брат с сестрой? — спросил Цюаньцзы. Характеры у них были будто с разных планет.

— Угу, А-Пин — мой старший брат, — кивнула Чжуан Лань.

— А тот, что с тапиром ходит?

Цюаньцзы предположил, что тот тоже их брат, но в родственных связях семьи Чжуан он ещё не

разобрался.

— Это наш второй брат. А тапира зовут Чжусунь, — сказала Чжуан Лань, и уголки её губ задорно поднялись, когда она заговорила о Чжуан Яне.

Цюаньцзы, обвязывая прутья верёвкой, удивился, что у зверя есть имя.

— Брат Цюаньцзы... прутья кончились, — тихо сказал А-Пин, неуверенно повторяя обращение сестры.

Он смотрел на Цюаньцзы, думая, что тот старше. На самом деле они были ровесниками.

— Ще настрогаю. Вы больше не помогайте, я сам доделаю.

— Брат Цюаньцзы, а где твои козы?

— За домом.

— А куры почему не держишь?

— Не держу.

— А корова? Землю пахать — корова нужна.

— ...

Цюаньцзы ударил топором по бамбуку. Тот с треском раскололся.

А-Пин наклонился к сестре и прошептал на ухо: «Перестань спрашивать, а то брат Цюаньцзы рассердится».

— Ну, спросила и спросила, — отмахнулась Чжуан Лань, ни капли не смутившись.

Она уселась на циновку и принялась играть с двумя бамбуковыми лентами.

— Брат Цюаньцзы, а научишь меня корзину плести?

А-Пин махнул на неё рукой, решив, что она сама напросится на грубость. Он отошёл к реке, присел на корточки и стал играть с Даньбин.

Подняв голову, он увидел на том берегу изящную фигуру — это был его старший брат, Чжуан Ян. Тот перешёл по деревянному мосту, а рядом с ним семенил Чжусунь.

Вероятно, увидев их всех здесь, он и решил подойти.

— Брат! — радостно окликнул его А-Пин.

Цюаньцзы тут же поднял взгляд. Чжуан Ян уже перешёл мост и направлялся к ним.

Наступали сумерки. Последние лучи солнца золотили собаку, тапира, троих детей и прекрасного юношу.

Рядом, у деревянного дома, уже разожгли костёр, у ног текла неширокая речка, а дальние горы кутались в багрянец заката. Картина вышла на удивление мирной и прекрасной, словно нарисованной.

Едва занялось утро, Цюаньцзы с матушкой Лю поднялись и отправились в деревню Фэн. Шли они горной тропой около получаса, и когда достигли деревни, солнце уже высоко стояло в небе. В деревне Фэн слышались петухи и лай собак. Все её жители носили фамилию Дун и состояли в том или ином родстве.

Мать с сыном шли по меже, и ещё не успели они приблизиться к домам, как их узнали работавшие в поле. Цюаньцзы не обращал на оклики внимания, шёл прямо, а А-янь изредка останавливалась, чтобы перекинуться парой слов.

Когда их выгоняли из дома дяди, никто из деревенских не вступился. Времена были смутные, каждый думал о себе, и чужая беда никого не трогала. Цюаньцзы не чувствовал особой обиды — лишь холод и пустоту.

Он остановился на склоне, поджидая мать.

— Мама, пойдём, — сказал он, протягивая руку, чтобы помочь ей подняться.

Они вернулись в Фэн за глиняной пароваркой, кувшином для воды и парой мисок с чашками. Уходя тогда, они взяли лишь самое необходимое, а теперь хотели забрать оставшееся в деревню Чжу.

Всё это было куплено на деньги А-янь, их собственность, — значит, и забрать своё они вправе.

Богатства у них не водилось. Самое ценное — коза да чугунный котёл для варки.

В бедности ничего нельзя выбрасывать. Если есть что готовое — бери и используй, а на новое денег нет.

Они прошли мимо десятка домов. Обитатели, узнав их, выглядывали из дверей: кто-то здоровался, кто-то делал вид, что не замечает.

Цюаньцзы прошёл мимо, не останавливаясь, направляясь к дому дяди — обычной крестьянской усадьбе с большим двором.

Не успели они приблизиться, как из ворот вышел человек — его двоюродный брат, Дун Су.

— О-о, Цюаньцзы! Что, невмоготу стало, вот и вернулся? — Дун Су, семнадцатилетний детина, тучный и крепкий, свысока смотрел на Цюаньцзы, который был ему лишь по плечо и казался рядом с ним тощим подростком.

— Мама! Иди-ка, погляди, кто к нам пожаловал! — Дун Су не ограничился собственными насмешками и позвал мать, сушившую во дворе зерно.

А-Хэ, мать Дуна Су, держала в руках короткую метлу и сгребала зерно на расстеленной циновке. Услышав сына, она подняла голову, увидела Цюаньцзы — и лицо её исказилось от гнева. Она бросилась к воротам, даже не выпуская метлы из рук.

— И как это ты нос-то не стыдишься показать? Безотцовщина! Уходил, благим молодцем разглагольствовал, а теперь воротился?!

Женщина была крупной, смуглой, медведеобразной. Она уперла руки в бока, брови её взлетели вверх, а тонкие губы запрыгали, выплёскивая ругань.

— Дорогу, — глухо сказал Цюаньцзы.

<http://bllate.org/book/15945/1425448>